

Игорь Богомолов

**Русско-японская война и конец «золотого века»
фронтowej журналистики***

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy
of Sciences, Moscow)

**Russo-Japanese War and the End of the «Golden Age»
of Combat Correspondence**

DOI: 10.31857/S2949124X24010158, EDN: CEVPXN

Исследования истории журналистики в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. активизировались в связи со столетием этого события в середине 2000-х гг. Круглая дата стала поводом к переосмыслению конфликта, встраиванию его в широкий международный контекст начала XX в. В западной историографии с тех пор распространено название этой войны как «Нулевой мировой» (*World War Zero*)¹. Значимость её для дальнейшего развития военного дела и международных отношений действительно сложно переоценить. При этом военные корреспонденты упоминались в литературе, как правило, в контексте развития военной цензуры в Японии и России в начале XX в.² О работе на фронте многих журналистов до сих пор было мало что известно. Достаточно сказать, что в справочнике о военной журналистике, изданном в Великобритании в 1997 г., не упомянут американский журналист Стэнли Уошберн, корреспондент газеты «Чикаго дейли ньюс» на фронтах русско-японской войны³.

Монография Н.Т. Рольсгор и М. Суини призвана восполнить пробел в истории фронтowej журналистики 1904–1905 гг. Авторы наме-

ревались не только показать политику России и Японии по отношению к корреспондентам, но и подробно рассмотреть их биографии и особенности работы с разными армиями и в разных условиях. Предпринимается попытка исследовать влияние русско-японской войны на военную журналистику в последующих вооружённых конфликтах XX в.

Термин «золотой век фронтowej журналистики» впервые применил Ф. Найтли в исследовании о работе военных корреспондентов в период от Крымской до Вьетнамской войн⁴. Рольсгор и Суини отмечают, что начало «золотого века» правильнее было бы отнести к американо-мексиканской войне 1846–1848 гг. В то время журналисты «могли видеть, слышать и писать практически беспрепятственно со своего наблюдательного пункта», разбивать лагерь, разговаривать как с солдатами, так и с высшими офицерами вплоть до командующих (р. 17). Свобода их передвижения объяснялась также ограниченными возможностями по передаче сведений в редакции газет и журналов. Статьи корреспондентов «распространялись настолько быстро, насколько их могли разогнать лошадь и паровоз» (р. 18).

* *Rolessgaard N.T., Sweeney M.S. Journalism and the Russo-Japanese War: The End of the Golden Age of Combat Correspondence. Lanham: Lexington Books, 2019. 260 p.*

Материал подготовлен за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 22-78-00108, <https://rscf.ru/project/22-78-00108/>

К началу XX в. скорость передачи информации на большие расстояния многократно возросла. Влияние этих возможностей на фронтовую журналистику трудно оценить, так как последние на тот момент крупные войны состоялись в 1870-х гг. В русско-японской войне вступили в схватку державы с растущим рынком печати и телеграфа, развитой разведкой и контрразведкой. Оглядываясь назад, кажется вполне логичным и ожидаемым, что Россия и Япония сразу после начала вооружённого противостояния ввели военную цензуру и ограничили доступ к театру военных действий. Однако современники событий, прежде всего сами журналисты и редакции, ждали иного отношения, знакомого им по прошлым войнам.

Монография состоит из девяти глав, повествующих главным образом об опыте иностранных журналистов в годы русско-японской войны. Глава 1 в этом смысле — исключение, в ней представлен обзор политической и военной истории Японии конца XIX в., основное внимание уделяется взаимодействию русской и японской прессы с военными и гражданскими властями. Рольсгор и Суини отмечают, что качественные изменения начались после японо-китайской войны 1894—1895 гг. Проанализировав западную прессу, МИД Японии пришёл к выводу, что японская армия воспринимается в Европе и США как «дикие звери». Чтобы исправить ситуацию, в 1900 г. в Лондоне было открыто японское пресс-бюро и его отделения в Европе. Бюро распространяло данные о японцах, национальной экономике, успехах в модернизации страны. Японцы избегали прямого воздействия (подкуп журналистов и газет), предпочитая рассылку материалов о Японии и её достижениях. Работа с западной печатью давала новый опыт при построении инфор-

мационной политики внутри страны. В отличие от США, в Японии пресса развивалась в тесной связке с государством. Формально критика правительства не запрещалась, но традиционно сильными были самоцензура, преданность императору и верховной власти, что во многом определяло тон печати, особенно во время военных конфликтов. Кроме того, в годы войны с Китаем японское правительство приняло закон, по которому все военные сводки и новости должны были проходить предварительный цензурный контроль. С 1903 г. запрещалось фотографировать любые военные объекты, предусматривался и контроль над почтовой перепиской с прифронтовыми областями.

В начале войны с Россией японское правительство встало перед непростой дилеммой — «удерживать военных корреспондентов от репортажей обо всём, что могло нанести ущерб безопасности на поле боя или национальному единству», или давать им возможность писать «истории, которые вызывали бы восхищение и симпатию Запада» (р. 51). Поначалу выбор был сделан в пользу соблюдения военной тайны, однако прибывшие журналисты не услышали прямой отказ выдать им разрешение посетить фронт. Как правило, японцы радушно встречали всех корреспондентов, давали возможность брать интервью у представителей высшего командования, но на фронт не пускали. Журналисты чувствовали себя в «золотой клетке»: просматривалась вся их переписка, отслеживался каждый шаг (р. 71). Одним из последствий этого стал бойкот официальных пресс-конференций, проводившихся для журналистов японским Генеральным штабом.

В марте 1904 г. гражданские власти сумели уговорить командование армии, что время для допуска кор-

респондентов пришло. Кроме того, Японии особенно нечего было скрывать: ни одну битву на суше они не проиграли, а флот с начала войны захватил стратегическую инициативу (р. 81). Важным фактором стало решение русского командования допустить корреспондентов в расположение армии. Рольсгор и Суни отмечают, что поначалу правила для корреспондентов в России были мягче, короче и проще для исполнения, за журналистами не устанавливался столь строгий контроль (р. 85). В итоге японцы допустили в армию журналистов, но только 16 из находившихся в стране 120.

Главы 2–6 посвящены журналистам, наблюдавшим за войной с японской стороны. В главе 2 повествуется о корреспондентах, работавших на море. Лайонел Джеймс, военный корреспондент лондонской «Таймс», стал первым журналистом, сообщавшим о ходе войны по радио, со специально зафрахтованного корабля. Японское командование относилось к Джеймсу с подозрением, предупреждало о недопустимости сообщений о передвижениях кораблей, однако в итоге ему удалось избежать наказания (вплоть до высшей меры)⁵. Столь же опасной оказалась миссия Стэнли Уошберна, корреспондента газеты «Чикаго дейли ньюс». Стремясь обойти цензурные ограничения, он так же, как и Джеймс, зафрахтовал лодку и пытался подплыть поближе к местам сражений и манёвров русского и японского флотов. В ходе этих рискованных рейдов Уошберн дважды арестовывался русскими и освобождался только после вмешательства американских дипломатов и чиновников, вплоть до госсекретаря США. После войны о приключениях Уошберна в море вышла отдельная книга⁶, однако, как отмечают Рольсгор и Суини, с точки зрения репортажа этот формат был неудачен: почти никаких сведений

о сражениях на море «Чикаго дейли ньюс» от Уошберна не получила. Гораздо эффективнее он работал на суше, в расположении Третьей японской армии, осаждавшей Порт-Артур. В 1904–1905 гг. Уошберн регулярно и подробно повествовал о повседневности японских солдат и офицеров, посещал госпитали, побывал во взятом Порт-Артуре. В 1907 г. он вошёл в число двадцати американцев, которых японское командование наградило после войны памятными медалями.

В главе 3 рассматриваются безуспешные усилия писателя Джека Лондона сообщать в США о японской армии. Нанятый медиамагнатом У.Р. Хёрстом, Лондон прибыл в Йокогаму, но уже вскоре, в Симоносеки, он был арестован за фотографирование без разрешения. В Корее, при попытке приблизиться к театру военных действий, вновь арестован и выслан в Сеул. Снова освобождённому, Лондону разрешили наблюдать за ходом битвы на реке Ялу. Японская военная цензура вызывала у Лондона негодование, он просил Хёрста перевести его в расположение русской армии. Однако сделать это ему не удалось из-за нового ареста, после чего Лондон покинул Японию. Вернувшись в Калифорнию, он воспринимал свой опыт крайне отрицательно, хотя, как отмечают Рольсгор и Суини, его заметки о войне позволили в будущем создать «шаблон военной корреспонденции» (р. 24).

Главы 4 и 5 посвящены самым известным военным корреспондентам того времени — Джону Фоксу-младшему и Ричарду Хардингу Дэвису. Изначально они столкнулись с теми же проблемами, что и другие журналисты. Фокс, к примеру, мог передвигаться только по тыловым регионам Японии, а Дэвис сообщал в США, что японцы не подпускают журналистов даже к местам уже прошедших сражений. Жур-

налисты пытались изменить ситуацию через самый высокий уровень — американское и японское правительства, дипломатов, лично госсекретаря США. Однако Фокс так и не увидел поле боя, а большинство его записок о Японии и Маньчжурии были опубликованы уже после его возвращения домой. Дэвису удалось лишь услышать отдалённые отзвуки пушечной стрельбы. Вернувшись в Америку, они выражали в прессе недовольство японскими методами работы с журналистами. Дэвис считал, что к ним относились как к «заключённым» (р. 224).

Луиджи Барзини, которому посвящена глава 6, — редкий пример того, как журналисту удалось установить хорошие отношения с властями Японии и России. В конце 1903 г. Барзини был командирован редакцией газеты «Коррьере делла Сера» в Петербург для освещения настроений во властных «верхах» накануне войны с Японией. В конечном счёте он выбрал японскую сторону, ошибочно полагая, что русская военная цензура будет строже. Тем не менее, в отличие от большинства коллег, Барзини сумел адаптироваться к японским ограничениям. Он наладил отношения с командованием армии, заслужил доверие военных за объективные, информативные материалы. Барзини удавалось описать фронтовую повседневность и ход боёв без приукрашивания, но при этом показать в выгодном свете японских солдат и офицеров. Благодаря этому он, как и Уошберн, получил допуск на фронт, стал свидетелем ряда военных операций, в том числе осады Порт-Артура и Мукденского сражения.

Отдельная глава посвящена фронтовым иллюстраторам и фотографиям. Русско-японская война не только ускорила техническое развитие фотографии, но и поставила под сомнение традиционное использование

иллюстраций в газетах и журналах. К 1904 г. полутоновая печать позволяла быстро воспроизводить изображения, а фотокамеры на плёнке сделали фотографию доступной для широкой публики. В то время как некоторые газеты оставались верны использованию иллюстраций, работавшие на фронте репортёры утверждали, что подлинность и объективность фотографий перевешивают ценность иллюстраций (р. 289). Рольстор и Суини кратко описали жизнь и карьеру фотографов и иллюстраторов, работавших как с русской (В.К. Булла), так и с японской стороны.

Глава 8 повествует о Гекторе Фуллере, который рисковал жизнью, чтобы проплыть через японские воды и увидеть изнутри жизнь Порт-Артура. Его статьи об осаждённой крепости попали в американскую печать и произвели фурор. Выбравшись из Порт-Артура, Фуллер попытался попасть на фронт с японской стороны, однако получил отказ. Опыт Фуллера и Уошберна показал, что журналисты имели шансы увидеть театр военных действий без официального допуска, однако это было сопряжено с большими рисками для жизни и дальнейшей карьеры.

Глава 9 посвящена особенностям работы иностранных журналистов в России. Авторы отмечают, что желая осветить военные новости с российской стороны требовались связи в МИД и личное представление министру соответствующим послом. В отличие от японцев, русское командование снисходительно смотрело на передвижения иностранных журналистов по фронту, почти не было возражений и недовольства со стороны солдат и офицеров. В то же время прифронтовая полоса, контролируемая Россией, оказалась более опасной: здесь Леонард Этцель из «Дейли мейл» получил смертельное ранение,

а Генри Миддлтон из «Ассошиэйтед пресс» умер от дизентерии. На русской стороне работали также Ричард Литтл из «Чикаго дейли ньюс», Фредерик Маккензи из «Дейли мейл», Томас Ф. Миллард из журнала «Скрибнерс Мэгазин», Джордж Денни из «Ассошиэйтед пресс», Генри Дж. Уигэм, Дж. Арчибальд и Эдвин Эмерсон из «Коллиерс уикли». В ходе войны контроль за ними усиливался, они часто жаловались на работу цензоров, особенно отмечая вычёркивания рассуждений журналистов о политике.

В целом, рецензируемая монография представляет собой интересное и при этом хорошо фундированное исследование. Источниковую базу книги составили личные собрания журналистов в архивах и библиотеках США и других стран. Отметим обращение к малоизученному архивному наследию С. Уошберна (архив Исторического общества Миннесоты) и Л. Барзини (Центральный государственный архив Италии). Интерес представляют введённые в оборот документы из собрания устной истории Колумбийского университета и Национального архива Японии. К работе привлечены более тридцати мемуаров и автобиографий журналистов, а также сотни газетных и журнальных статей 1904–1906 гг. В этом ряду, конечно, не хватает материалов российских архивов, не упомянуты и современные отечественные исследования цензуры и журналистики в годы русско-японской войны⁷. Из-за этого не вызывают удивления ошибки в анализе истории цензуры в России. Так, в главе 9 авторы пишут: «В начале войны России пришлось с нуля изобретать систему контроля над военной корреспонденцией, поскольку цензура прессы на фронте не считалась необходимой ни в одной из её войн до 1904 г.» (р. 156). Однако уже в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

поднимался вопрос о допуске журналистов на фронт, издавались соответствующие правила работы и процедура аккредитации, был организован контроль над почтой, вводились отличительные знаки корреспондента⁸.

Хотя работа посвящена военному репортажу в целом, в ней очевиден крен в сторону западных журналистов, при этом фактически проигнорирована деятельность японских и российских корреспондентов. Следствием этого стала некоторая однобокость в анализе условий и результатов их работы. В основном освещён неудачный опыт, как в случае с Дж. Лондоном, но практически не упомянут, к примеру, корреспондент Ф. Палмер, всю войну проработавший на фронте. Т. Моран в своей рецензии на монографию справедливо отметил, что авторы сосредоточились на тех журналистах, которые «с отвращением сдались и вернулись домой, проработав на месте событий всего несколько месяцев». В каждой главе содержится «повторяющаяся информация о том, какой корабль доставил... военного корреспондента в Японию, в каком отеле они остановились, с кем и как они общались в Министерстве внутренних дел»⁹.

Несмотря на указанные недостатки, монография затрагивает важную страницу истории военного репортажа, в ней собраны данные о наиболее известных корреспондентах русско-японской войны. Это позволит в дальнейшем проводить новые компаративистские исследования журналистики первой половины XX в.

Примечания

¹ The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero / Ed. by J.W. Steinberg. Boston, 2006.

² The Russo-Japanese War in Cultural Perspective, 1904–05 / Ed. by D. Wells, S. Wilson. L., 1999.

³ Roth M.P. Historical Dictionary of War Journalism. L., 1997.

⁴ Knightley P. The First Casualty: The War Correspondent as Hero and Myth-Maker from the Crimea to Iraq. N.Y., 1975. P. 46, 62.

⁵ Подробнее о работе Джеймса см.: Slattery P. Reporting the Russo-Japanese War, 1904–5: Lionel James's First Wireless Transmissions to the Times. Kent, 2004.

⁶ Barry R. The Events Man: Being an Account of the Adventures of Stanley Washburn, American War Correspondent. N.Y., 1905.

⁷ См., например: Айпанетов О.Р. Пресса и военная цензура в русско-японскую войну // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. М., 2004. С. 341–354; Лютов С.Н. Военная цензура на дальневосточном театре военных действий в 1904–1905 гг. // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск,

2004. С. 96–99; Павлов Д.Б. Русско-японское пропагандистское противостояние на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. // Труды Института российской истории РАН. Вып. 11. М., 2013. С. 365–415; Сабова А.Д. Специфика освещения Русско-японской войны 1904–1905 гг. французскими корреспондентами на Дальнем Востоке // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 44–52.

⁸ Подробнее см.: Манахова А.В. Проблема допуска корреспондентов на Балканский театр русско-турецкой войны 1877–78 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2018. № 3. С. 31–46.

⁹ Moran T. Journalism and the Russo-Japanese War: The End of the Golden Age of Combat Correspondence by Michael S. Sweeney and Natascha Toft Roelsgaard, Lanham, MD, Lexington Books, 2019, 260 pp. // American Journalism. Vol. 37. 2020. № 3. P. 409.

Ольга Большакова

Olga Bolshakova

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Рец. на: J. Keating. On arid ground: Political ecologies of empire in Russian Central Asia. Oxford; New York: Oxford university press, 2022. XII, 252 p.*

DOI: 10.31857/S2949124X24010169, EDN: CEGQCR

Интерес англоязычной историографии к Средней Азии стал заметен уже в 2000-х гг., когда значительно усилилась грантовая поддержка исследований этого региона и активно развивалось научное сотрудничество с бывшими советскими республиками. В фокусе внимания историков-русистов, сосредоточившихся на изучении России как империи, находился процесс включения в её состав территорий современных Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Стадии этого процесса Ш. Келлер охарактеризовала как «сосуществование, завоевание, конвергенция»¹. Тем не менее большинство работ посвящено не столь-

ко раннему этапу «сосуществования», сколько последующим стадиям «завоевания» и «конвергенции», т.е. XIX — началу XX в. с выходом на раннесоветское время (хотя вопрос о том, являлся ли Советский Союз империей, пока не решён)².

Центральное место в англоязычной историографии занимают проблемы империостроительства и управления территориями, что включает в себя воссоздание картины взаимодействия имперских властей и местных сообществ, отсюда — обострённое внимание к религии и социальным практикам населявших эти регионы народов. Однако в последнее время наблюдается возникновение устой-

* Китинг Дж. На засушливой земле: Политическая экология империи в российской Центральной Азии. Оксфорд: Изд-во Оксфордского университета, 2022. XII, 252 с.